

Глава восьмая

Вторая несостоявшаяся женитьба

С падением Меншикова Петр II освободился от жесткой опеки светлейшего. Но обрести независимость от взрослых, самостоятельность в поступках и суждениях он, разумеется, не мог. Его воспитателем оставался А. И. Остерман, но и влияние Остермана на императора с каждым днем ослабевало в пользу фаворита Ивана Долгорукого, а затем его отца князя Алексея Григорьевича.

Как мы уже говорили, влияние Долгоруких совершенно не походило на влияние Меншикова. Самородку Меншикову алчность и беспредельное честолюбие не мешали быть государственным деятелем, вполне понимавшим необходимость дать наследнику трона должное воспитание и образование. У ограниченного князя Алексея, напротив, интерес к судьбе императора не простирался далее использования своего влияния для личной корысти. Влияние Долгоруких опиралось лишь на удовлетворение капризов своенравного отрока и поощрение его нездоровых наклонностей.

«Князь Алексей, — делился своим впечатлением с испанским двором де Лириа, — человек недалновидный, и его глупость простирается до того, что он завидует царской милости к сыну и желает его падения, чтобы в милость царя попал другой (его сын. — 77. 77.)». Ссоры отца с сыном, видимо, носили перманентный характер — за размолвкой наступало перемирие, сменявшееся новой вспышкой неприязни. Прочитированный выше текст заимствован из депеши де Лириа, датированной 21 июня 1729 года. Французский посол Маньян отправил донесение в феврале следующего года и тоже отметил ссору между отцом и сыном Долгорукими: царский любимец «поссорился недавно с своим отцом». Яблоком раздора оказался Остерман. «Князь Иван Долгорукий, фаворит царя... есть враг Остермана, а отец его, князь Алексей, слепой друг барона и думает, что нет другого человека в мире такого умника, как Остерман». Между тем князь Иван находился в крайней вражде с Остерманом: обе стороны «покаялись не успокоиться до тех пор, пока один из них не будет уничтожен» — такие намерения, согласно донесению Лефорта, они высказывали еще в октябре 1727 года.

Хотя интеллектуальный потенциал Долгоруких резко отличался от потенциала Меншикова, они добивались одинаковой цели — выдать замуж одну из своих дочерей за императора. Но условия, которыми они располагали для достижения этой цели, существенно отличались. Формально Александр Данилович стоял как бы в стороне от матримониальных дел царствующей династии — они были определены «Тестаментом» Екатерины I, обязывавшей наследника престола жениться на одной из дочерей Меншикова. Следовательно, Меншиков всего лишь выполнял волю скончавшейся императрицы, объявленную 7 мая 1727 года.

Перед Алексеем Долгоруким стояла более сложная задача — ему самому надлежало уговорить императора жениться на одной из своих дочерей. Более того, Алексею Долгорукому надлежало добиваться одобрения этого брака со стороны вельмож, что оказалось непосильной задачей. Тем более что князь действовал прямолинейно и грубо, чем вызывал зависть и ненависть правящей элиты. 8 мая 1729 года Маньян доносил: «Начинают слышаться жалобы на высокомерных Долгоруких, которые удаляют всех, кто приглянулся царю».¹ Задача усложнялась еще и тем, что император взрослел, проявлял больше строптивости и самостоятельности; следовательно, требовалось больше усилий и времени, чтобы достичь желаемого результата.

¹ Сб. РИО. Т. 75. С. 338.

При этом перед Долгорукими стояла еще одна непростая задача — погасить страсть будущего зятя к своей тетке. Эта страсть достигла апогея к 1729 году. Охота, выезды царя за пределы старой столицы должны были, по замыслу князя, лишить императора свиданий с цесаревной. На эту цель охотничьих экспедиций Петра II обратил внимание де Лириа: «Все негодуют на князя Алексея Долгорукого, отца фаворита, который под предлогом развлечь его царское величество и удалить его от случаев видеть принцессу Елизавету каждый день выдумывает для него новые и новые выезды».

В народе же носились слухи о том, что князь Алексей Долгорукий, обладавший необыкновенно многочисленной псарней, пытается «заразить» царя страстью к охоте и собакам: «Долгорукие и государя приучили к ним до того, что он сам мешает в корыте собакам».²

О том, как постепенно вызревало и реализовывалось у князя Алексея Григорьевича намерение женить царя на одной из своих дочерей, можно судить по донесениям иностранных дипломатов. Трудно сказать, подсказал ли Долгорукому кто-либо эту мысль, или он самостоятельно двигался по дорожке, проторенной Меншиковым. Во всяком случае в 1727 году у него этого намерения еще как будто не было, или по крайней мере источники его не подтверждают. Лефорт, например, в октябре этого года ограничился лишь констатацией факта наличия у князя Алексея двух дочерей, но не обмолвился ни единым словом о намерении его использовать их в качестве невест: «У князя Алексея есть очень хорошенькие дочери, которые бы могли иметь свои виды на царя». Как увидим ниже, «виды на царя» возникли не у дочерей, а у их отца.

Первое прямое свидетельство на этот счет обнаруживается в депеше де Лириа, отправленной 29 ноября 1728 года: «Отец фаворита думает женить царя на своей дочери, а тщеславие фаворита (князя Ивана Долгорукого. — *А. К.*) доходит до того, что он задумывает жениться на принцессе Елизавете».³ Похожими сведениями располагал еще один дипломат — саксонский резидент Лефорт, извещавший свой двор 2 декабря 1728 года о том, что фавор Долгоруких, «по моему мнению, кончится тем, что царь захочет когда-либо осчастливить их своим родством, по крайней мере, отец любимца старается, чтобы выбор непременно пал на одну из его дочерей. В этом отношении отец и любимец не совсем согласны, как случается и во многих других случаях. Отцу хотелось, чтобы монарх предпочел младшую дочь, а сыну — старшую, чему сочувствуют все, к ней же и царь имеет более расположения».⁴

С конца 1729 года разговоры о женитьбе Петра на несколько месяцев затихли. В марте их возобновил французский дипломат Маньян, извещавший Версаль: «...жена, две дочери и сыновья князя Долгорукого, отца фаворита, последовали с царем на охоту, куда отправился его царское величество. Это многих заставило призадуматься. Мысль Долгорукого женить царя на одной из своих дочерей известна всем. Но теперь всем представляется, что надлежащим случаем он хочет воспользоваться для решительного сговора». Далее Маньян пророчествует о судьбе Долгоруких в случае осуществления замысла: «Если князь Долгорукий сделает эту глупость (второй том глупости Меншикова), он рискует ускорить гибель своего дома, против которого раздражены все здешние. Царь еще очень молод, и всего можно бояться от его благоволения к князьям Долгоруким, отцу и сыну. Если этот

² Арсеньев К. Указ. соч. С. 146

³ Осмнадцатый век. С. 114.

⁴ Сб. РИО. Т. 5. С. 318.

брак состоится, Россия возвратится к своему прежнему варварству».⁵ Ожидаемый сговор, однако, не состоялся — возможно, из-за сопротивления самого Петра. Князю потребовалось более полугода, чтобы уговорить императора совершить решающий шаг.

В июле 1729 года Лефорт извещал: А. Г. Долгорукий «употребляет все усилия... выставить своих дочерей, на которых, однако же, царь до сих пор не обращает никакого внимания».

Иностранные дипломаты в марте — ноябре 1729 года были единодушны в оценке трагических последствий этого брака для самих Долгоруких в случае, если бы осуществился замысел князя Алексея Григорьевича. В их донесениях имеются многочисленные свидетельства равнодушия жениха к своей предполагаемой невесте. Князь Алексей Григорьевич же всеми силами стремился изолировать Петра от стороннего влияния.

Напомним, что ограничить связи Петра с внешним миром пытался и Меншиков, поселивший нареченного зятя в своем дворце и отдавший его под надзор своей семьи. Алексей Долгорукий той же цели пытался достичь за счет страсти императора к охоте. Леса и поля Подмосковья казались ему самым удобным местом изоляции царя. Первый такой выезд Петра на охоту в сопровождении семьи Алексея Долгорукого зафиксировал Маньян в марте 1729 года. С этого времени они стали постоянными. Де Лириа сообщал в октябре: Долгорукий «таскает своих дочерей во все экскурсии с царем, и там царь по вечерам привык играть с ними в карты».⁶ Но и в июле Петр, согласно депеше Лефорта, не обращал никакого внимания ни на одну из дочерей Долгорукого. «Князь Алексей Долгорукий, — доносил Лефорт в октябре, — сделавшийся вторым Меншиковым, старается не допускать кого бы то ни было говорить с царем, тем менее заслужить его доверие; носят слухи, что царь скоро женится на младшей дочери Долгорукого, она начинает ему нравиться, тем более что отец устраивает так, что он постоянно около нее».⁷

В депеше, отправленной неделю спустя, дипломат сообщал уже о полном равнодушии царя к ожидавшемуся браку. В то же время «все Долгорукие с ужасом и страхом ожидают этого брака в той уверенности, что настанет день, когда им всем придется поплатиться за эту безумную ставку. Одним словом, этот брак никому не нравится». Даже министру иностранных дел Франции была ясна опасность, которой могут подвергнуться Долгорукие: министр де Морвиль делился своими мыслями с послом: «Всегда можно будет удивляться тому, что пример князя Меншикова не сделал Долгоруковых более умеренными в своих планах и намерениях».

К середине октября, видимо, была достигнута договоренность о помолвке. Косвенным доказательством этого явилось сообщение Лефорта о том, что клан Долгоруких озабочен приобретением нарядов и драгоценностей к ним.

Опасения за судьбу Долгоруких разделял де Лириа, высказав их в более решительной форме: «Эти Долгорукие идут по стопам Меншикова и со временем будут иметь тот же конец. Их ненавидят все, они не хотят расположить к себе никого, и теперь они женят царя, можно сказать силою, злоупотребляя его нежным возрастом; но достигни его величество 15 или 16 лет, его верные министры разъяснят ему сущность дела: тогда он же не замедлит раскаяться в своей женитьбе,

⁵ Сб. РИО. Т. 75. С. 153.

⁶ Осмнадцатый век. С. 183.

⁷ Сб. РИО. Т. 5. С. 320, 321, 326, 330.

и Долгорукие погибли, а царица наверное кончит монастырем».⁸

Затруднительно сказать, что из себя представляла старшая из сестер Долгоруких Екатерина, на которой остановил свой выбор император. Затруднительно потому, что историки располагают противоположными отзывами относительно ее внешности и характера, высказанными разными лицами в разное время.

Первый по времени отзыв о дочерях А. Г. Долгорукого, сделанный, правда, с чужих слов, принадлежит Маньяну. Он писал в октябре 1727 года: у князя есть «две дочери одних лет с здешним государем, как говорят, обладающих замечательной красотой, усиленную еще внутренними достоинствами». В этой же депеше имеется глухое упоминание о намерениях князя Алексея: «Благодаря заботам отца, они успели привлечь внимание царя, у которого изгладилось нечто вроде страсти, питаемой им к принцессе Елизавете».⁹

Оценка дочерей явно исходила из стана Долгоруких. В ней желаемое выдавалось за действительное. Мысль о страсти царя к дочерям князя А. Г. Долгорукого, якобы погасившей его же страсть к цесаревне Елизавете, была пущена в обиход самим Долгоруким. Но это было ложью: император никогда не питал страсть к его дочерям. Напротив, как раз в это время изо дня в день нарастала его любовь к цесаревне.

Три других свидетельства о внешности невесты принадлежат очевидцам. Маньян в декабре 1728 года доносил: «Выбор (императора. — *Н. П.*) может пасть на одну из сестер фаворита, «из которых та и другая одинаково хороши, приблизительно одного возраста между 16 и 18 годами и достаточно красивы, чтобы понравиться молодому царю». В апреле 1729 года Лефорт отзывался о Екатерине без всяких похвал, как о личности, ничем не примечательной: «Она ни красива, ни любезна, и царь, кажется, к ней очень равнодушен». К. Рондо высказал мнение о Екатерине уже после того, как она была объявлена невестой царя: «Она очень хороша собою и одарена многими прекрасными качествами; уверяют, что она с особенным уважением относится к иностранцам».¹⁰

Кто из современников был ближе к истине, не столь важно, ибо независимо от того, имела избранница ординарную внешность или была красавицей, Петр относился к ней с полным равнодушием, а быть может, даже с некоторой долей ненависти. Это подтверждают те же иностранные наблюдатели. Лефорт сообщил о показательном эпизоде, случившемся скорее всего до объявления Екатерины Долгорукой невестой: «Однажды, когда царю в игре попал фант, а заранее было условлено, что тот, чей фант вынется, должен будет поцеловать одну из Долгоруких, царь, видя, что это выпало на его долю, встал, сел на лошадь и уехал и до сих пор не возвращается». В другой депеше Лефорт сообщал о бале, устроенном 5 декабря в покоях невесты. Здесь был сервирован смешанный стол. Петр с невестой открыли бал. О поведении жениха Лефорт пишет в следующих выражениях: «Если отношения жениха и невесты наедине не лучше, нежели при всех, признаюсь, их будущее счастье незавидно. На балу я не видел не только, что царь был любезно внимателен к своей невесте, даже и не говорил с нею... Я не замечал никакой разницы между отношением царя к своей невесте и княжной Меншиковой. Не знаю, правда ли, но, на мой взгляд, ни он, ни она не желают брака; княжна, говорят,

⁸ Осмнадцатый век. С. 183.

⁹ Сб. РИО. Т. 75. С. 105.

¹⁰ Сб. РИО. Т. 66. С. ПО.

влюблена в другого, но в кого — неизвестно; одним словом, я никогда не видал таких холодных отношений; мне известно, что царь понужден был отправляться к своей невесте». Эта депеша была отправлена 8 декабря, а 19 декабря Лефорт сообщал иные сведения о визитах царя к невесте: «С тех пор, как Петр объявил себя женихом, то есть в течение месяца, он только дважды побывал у своей невесты». ¹¹

Известно, что сам Петр отнюдь не жаждал жениться так рано. Он то говорил, что намеревается обрести супругу, когда ему исполнится 25 лет, то называл условием своего вступления в брак достижение совершеннолетия. В августе 1729 года в беседе с бабкой Евдокией Федоровной он заявил, что «не чувствует никакого расположения к браку». ¹²

Между тем князь А. Г. Долгорукий предпринимал невероятные усилия, чтобы склонить императора к браку. 8 сентября 1729 года он вместе с императором и членами своей семьи отправился на охоту. Это была одна из самых продолжительных охотничьих вылазок Петра — участники ее возвратились лишь два месяца спустя. О причине, по которой царь не возвращался в столицу, пишет де Лириа: князь Алексей Долгорукий, сообщал он в донесении от 24 октября, «ревнует его ко всем и боится, что если царь поговорит с кем-нибудь, он потеряет к нему расположение. Кроме того, его задушевное желание и его единственная мысль — это женить царя на одной из своих дочерей... Таким образом оказывается, что брак — дело решенное и думаю, наверное, что его царское величество возвратится в столицу уже женатым». Испанский посол ошибся в одном — император возвратился в столицу холостяком. Но князю Алексею действительно удалось добиться своего — через десять дней после своего возвращения в столицу, 19 ноября 1729 года, Петр созвал Верховный тайный совет, вельмож и генералитет и объявил о своем желании жениться на старшей дочери князя Алексея. 24 ноября, в день именин невесты, все высшие чины империи и послы иностранных государств поздравляли ее уже как невесту государя. Из-за города прибыла и Елизавета Петровна «и тот час отправилась поцеловать руку своей будущей государыни».

На 30 ноября было назначено обручение. «Эта новость, — извещал свой двор де Лириа, — весьма поразила многих, даже тех, которые живут в круговороте министерства и двора, потому что хотя и предполагали, что это может случиться, но не думали, что это может состояться так скоро». ¹³ Лихорадочная поспешность князя Алексея понятна — всякое промедление грозило возможными осложнениями.

Помолвка состоялась в назначенный день. К трем часам в Лефортский дворец прибыли члены царствующей фамилии, военные и гражданские сановники и дипломатический корпус, отец невесты и ближайшие его родственники.

Обер-камергер Иван Долгорукий отправился за невестой в придворных каретах. Впереди кареты с невестой шли четыре пажа, за ними следовали скороходы, гайдуки и лакеи, верхом ехали шталмейстер, придворные фурьеры и гренадеры-гвардейцы. В других каретах сидели родственники и дамы, составлявшие штат невесты.

Когда невеста прибыла во дворец, императорская фамилия во главе с вдовствующей царицей-бабкой вышла ей навстречу. Затем под звуки труб и цимбал в зал вошел жених в сопровождении Долгоруких и других знатных персон. Он сел в кресло, музыка замолкла, и обер-камергер повел невесту под балдахин, куда

¹¹ Сб. РИО. Т. 5. С. 332, 334, 336.

¹² Сб. РИО. Т. 75. С. 374.

¹³ Оснадацатый век. С. 185, 186.

подошел и Петр П. Архиепископ Феофан Прокопович совершил торжественное обручение. О его окончании известили пушечные выстрелы, присутствовавшие поздравляли помолвленных, допущенных к их рукам.

Леди Рондо сообщила своей подруге о казусе, произошедшем во время целования руки. Петр держал правую руку невесты, давал ее целовать. Когда к невесте приблизился ее прежний возлюбленный, пишет леди Рондо, она вдруг встала, отняла свою руку у императора и дала ее поцеловать тому, кого любила, чем привела в смущение жениха. (Этим возлюбленным был граф Мелезим, чиновник свиты австрийского посла графа Братислава.)

Из зала государь повел невесту и всех присутствовавших смотреть фейерверк и иллюминацию, после чего состоялся бал, по окончании которого невеста отправилась домой в Головинский дворец с соблюдением такой же церемонии, с какой прибыла на помолвку.¹⁴

Отныне невесту стали величать великой княжной и высочеством. Были произнесены речи от имени духовенства, гражданских чинов. От имени родственников невесты знаменательную речь произнес князь Василий Владимирович Долгорукий, пользовавшийся репутацией честного человека, осмеливавшегося говорить правду, не всегда приятную слушателю. Кстати, В. В. Долгорукий был противником этого брака, ссылаясь на разницу в годах жениха и невесты.

К. Рондо, имевший склонность к портретным зарисовкам русских вельмож, дал высокую оценку нравственным свойствам В. В. Долгорукого: это был «человек разумный, вежливый, любезный, потому пользующийся расположением всего низшего дворянства и офицеров армии, в которой он, можно сказать, воспитался. Он великодушен, смел, держится откровенно, говорит свободно, даже горяч, за что и поплатился недешево за слишком свободное обсуждение поступков государевых в деле покойного царевича Алексея Петровича. Он впал в немилость, потерял имущество и положение и сослан был в Соликамск, в Сибирской губернии. По смерти царя милостью покойной императрицы возвращен из ссылки, получил обратно свои имения и начальство над армией, но уже вскоре за вольные суждения об отношении царицы к одному из ее фаворитов отправлен главнокомандующим войсками, расположенными в Персии».¹⁵

В передаче Маньяна речь, произнесенная Долгоруким во время церемонии сговора, звучала так. «Вчера я был твоим дядей, — обращался князь к княжне Екатерине, — а сегодня ты моя верховная повелительница, и я всегда буду твоим верным слугой. Позволь же мне поэтому подать тебе один совет: не смотри на своего августейшего супруга как на супруга только, но скорее всего как на своего верховного владыку и заботься лишь о том, что может быть ему приятно. Семья твоя, правда, многочисленна, но благодаря Бога, у нее нет недостатка ни в богатстве, ни в должностях; таким образом, если станут у тебя ходатайствовать об оказании кому-либо милостей, заяви себя склоняющейся не столько в сторону имени, сколько в сторону бедности, то есть в сторону тех, кого заслуги и добродетель делают достойными милостей; тогда ты найдешь истинный смысл жить вечно счастливой, что я и желаю тебе».¹⁶

Речь, как видим, вполне соответствовала характеристике В. В. Долгорукого,

¹⁴ Вейдемейер А. Указ. соч. С. 109–111.

¹⁵ Сб. РИО. Т. 66. С. 157.

¹⁶ Сб. РИО. Т. 75. С. 429.

данной К. Рондо, — она проникновенна и одновременно пронизана духом государственности, принадлежит по-настоящему государственному мужу, дававшему племяннице совет быть милосердной и ответственной перед подданными. Это позволяет выделить оратора из клана Долгоруких — в большинстве своем людей столь же мелочных, сколь и алчных. Еще до помолвки, в феврале 1729 года, де Лириа доносил о ропоте против Долгоруких: «Все очень недовольны чрезмерною властью дома Долгоруких, которые управляют всем с крайним произволом. Фаворит (князь Иван Долгорукий. — *Н. П.*), уверенный в царской к нему любви, не следует за его величеством с должным рвением, но большую часть времени проводит в собственных удовольствиях».¹⁷ «Начинают слышаться жалобы на высокомерие Долгоруких, которые удаляют всех, кто приглянулся царю, как, например, молодой камергер Бутурлин (зять фельдмаршала)», — доносил Маньян 2 мая 1729 года.

К. Рондо извещал 20 мая 1729 года о вызывающей роскоши, в которой живет фаворит: она «постоянно возбуждает удивление простонародья, но какую услугу такая расточительность может оказать его государю — представить себе не могу». Маньян подтверждает суждения своих коллег: Долгорукие, осыпанные милостями, «не щадят ничего, чтобы извлечь всевозможные выгоды из своего положения».¹⁸

Особенное раздражение вызывала ненасытная жадность будущего тестя царя — князь Алексей исхлопотал у императора дорогой подарок в 12 тысяч крепостных дворов, то есть около 50 тысяч душ мужского пола. Из кремлевских кладовых тесть тащил в свой дом дорогую посуду, драгоценности.

О протесте против этого брака представителей правящей элиты было известно, в том числе и будущему тестю императора. Показательно в этом плане поведение Александра Львовича Нарышкина, племянника Петра Великого, открыто осуждавшего праздное времяпрепровождение Петра II и увлечение им забавами, недостойными императора. За вольные разговоры Нарышкин отделался легким испугом — выдворением из Москвы в одну из подмосковных деревень. Но и там он не угомонился.

Некий дворянин Козлов уговаривал Александра Львовича ехать к императору на поклонение, но тот упорствовал и наговорил еще больше дерзостей: «Что мне ему с чего поклоняться? Я и почитать его не хочу; я сам таков же, как и он, и думая на царстве сидеть, как он, отец мой государством правил, дай мне вытти из этой нужды, я знаю что сделать». Об этом разговоре стало известно властям.

За подобные речи положена была дыба. Но император проявил милосердие к смельчаку, и тот был сослан в 1729 году в дальнюю деревню.

Во время помолвки А. Г. Долгорукий опасался открытого взрыва. На всякий случай он позаботился об обеспечении своей безопасности. У всех выходов из дворца были расположены войска, в зале поставлены гренадеры с заряженными ружьями. Однако обошлось без эксцессов.¹⁹

До желаемого финала Алексею Григорьевичу оставалось сделать лишь один шаг — свадьба была назначена на январь 1730 года. Приходилось набраться терпения в ожидании радостного дня, когда он станет тестем императора. Впрочем, забот не убавилось и в эти томительные дни, но это были приятные хлопоты: например, срочно реставрировались кремлевские палаты, в которых предполагалось

¹⁷ Осмнадцатый век. С. 146.

¹⁸ Сб. РИО. Т. 75. С. 355.

¹⁹ Арсеньев К. Указ. соч. С. 108, 109, 146.

совершить торжество. На их роскошное убранство не жалели денег. И лишь у двоих ожидаемые торжества не вызывали никакой радости — у жениха и невесты. Петр, как мы поняли, не питал нежных чувств к будущей супруге; Екатерина же Долгорукая была страстно влюблена в графа Мелезима, так что отец принес чувство дочери в жертву собственным честолюбивым замыслам.²⁰ Недалекий князь Алексей не разглядел того, что заметил иностранный наблюдатель и что не сулило счастливой семейной жизни: «Царь не имеет к ней (невесте. — *Н. П.*) ни капли любви и относится к ней весьма равнодушно; кроме того, он начинает ненавидеть дом Долгоруких и сохраняет еще тень любви только к фавориту. Ему еще не достает решимости, лишь только он обнаружит ее, погибли оба (фаворит и невеста. — *Н. П.*), и здесь произойдут новые и ужасные перемены».

Возникает вопрос: почему же Петр, очевидно не любивший своей невесты, вопреки собственному желанию, все же согласился выполнять волю Долгоруких? Этот вопрос должен был волновать современников, но ответить на него попытался лишь один из них — герцог де Лириа.

В депеше, отправленной в Мадрид 19 декабря 1729 года, испанский посол писал, что царь «со дня обручения видел ее (невесту. — *Н. П.*) только еще один раз, а когда он с нею, он весьма скуп на изъявление к ней знаков внимания. Это показывает, что брак совершается не по любви, а по насилью, просто потому, что царь не имел достаточно силы воли воспротивиться постоянным преследованиям Долгоруких».²¹

С этим утверждением испанского посла трудно полностью согласиться. Достаточно сравнить обстоятельства заключения брачного союза с Марией Меншиковой и Екатериной Долгорукой, чтобы убедиться в том, что дело не в наличии или отсутствии силы воли императора — и тогда и теперь Петр II еще не был самостоятелен в своих действиях и являлся марионеткой в руках взрослых. Когда свергали Меншикова, император опирался на советы сестры, мощную поддержку поднаторевшего в интригах Остермана и Верховного тайного совета. В конце 1729 года ситуация у подножия трона существенно изменилась. Сестры Натальи Алексеевны не было в живых, закулисных дел мастер Остерман не пользовался прежним влиянием на императора и по привычке сторонился участия в рискованных затеях, в Верховном тайном совете верховодили Долгорукие. Короче, Петр пребывал в одиночестве, в его распоряжении не было сил, на которые он мог опереться, чтобы противиться Долгоруким. Правда, оппозиция Долгоруким существовала, в обществе их ненавидели, но ропот против них носил неорганизованный характер и поэтому не представлял серьезной угрозы для князя Алексея Григорьевича и других членов его семейства.

Свадьба была назначена на воскресенье 23 января. Однако Долгоруких, как и Меншикова, постигла неудача. Но если летом 1727 года болезнь свалила нареченного тестя императора, из-за чего и расстроилась свадьба, то теперь накануне свадьбы заболел сам Петр.

Царь частенько подвергался простудным заболеваниям, и, как считали, виной тому был беспорядочный образ жизни отрока. Так, серьезный недуг постиг его в августе 1729 года. «Опасались за его жизнь, — свидетельствовал Манштейн, — так как горячка, в которую он впал, была очень сильна. Однако на этот раз он избежал смерти. Недруги любимца (Ивана Долгорукого. — *Н. П.*) тотчас же отнесли на его ответственность эту болезнь, уверяя императора, что его заставляют делать слишком

²⁰ Там же. С. 148–150.

²¹ Оснадцатый век. С. 190, 193.

много движений и от недостатка в отдыхе силы его слабеют, оттого, если он не переменит своего образа жизни, здоровье его окончательно расстроится».²²

На этот раз болезнь императора оказалась более серьезной. 22 января вечером, накануне намеченного бракосочетания, царь отправился к невесте. Однако уже в покоях княжны он внезапно почувствовал сильную головную боль и боль в пояснице и вынужден был покинуть невесту. В связи с недомоганием свадьбу перенесли на неделю.

На следующий день врачи обнаружили небольшую сыпь на ступнях ног, что дало им основание установить диагноз — Петр заболел оспой. 24 января состояние больного ухудшилось, высокая температура вызвала сильное головокружение. На следующий день больному стало легче, на груди выступила сыпь, и он впервые спал в течение 12 часов подряд, чего ему ранее не удавалось. Появились надежды на выздоровление. Однако они не оправдались — царю стало хуже.

Маньян получил сведения «из хорошего источника, что первая мысль у отца невесты была уговорить царя обвенчаться больным в постели, чтобы, будучи таким путем провозглашена и признана царицей, Долгорукова имела право захватить себе правительственную власть как царица в случае смерти своего супруга».

Алексей Григорьевич отправил гонцов к своим родственникам, чтобы те съезжались в Головинский дворец, где он проживал, для обсуждения сложившейся кризисной ситуации и определения плана действий. На семейном совете присутствовали князь Василий Владимирович, гостивший у княгини Вяземской в ее подмосковном имении и специально приехавший в Москву, и его брат Михаил. Другую, более многочисленную группу клана Долгоруких составляли князь Алексей Григорьевич, два его брата Иван и Сергей, сын Алексея Иван, а также Василий Лукич Долгорукий.

— Император болен, — заявил Алексей Григорьевич съехавшимся родственникам, — и худа надежда, чтоб жив был, надобно выбирать наследника.

Князь Василий Лукич спросил: «Кого вы в наследники выбирать думаете?»

Алексей Долгорукий многозначительно поднял руку вверх и, указав пальцем, произнес:

— Вот она!

Наверху жила невеста царя Екатерина.

Князь Сергей Григорьевич подал мысль о составлении завещания, причем выразил ее в форме вопроса:

— Нельзя ли написать духовную, будто его императорское величество учинил ее наследницей?

Предложение встретило решительное возражение фельдмаршала Василия Владимировича:

— Неслыханное дело вы затеваете, чтоб обрученной невесте быть российского престола наследницей! Кто захочет ей подданным быть? Не только посторонние, но и я, и прочие нашей фамилии — никто в подданстве у ней быть не захочет. Княжна Екатерина с государем не венчалась.

Князь Алексей возразил:

— Хоть не венчалась, но обручалась.

Однако этот аргумент не убедил фельдмаршала.

— Венчание иное, а обручение иное, — заметил он и добавил: — Да если бы она за государем и в супружестве была, то и тогда бы во учинении ее наследницей не без сомнения было.

Алексей и Сергей Григорьевич заявили, что если приложить старание, то успех

²² Манштейн. Записки о России. СПб., 1875. С. 11.

обеспечен.

— Мы уговорим графа Головкина и князя Дмитрия Михайловича Голицына, а если они заспорят, то мы будем их бить. Ты (обратились они к фельдмаршалу) в Преображенском полку подполковник, а князь Иван — майор, и в Семеновском полку спорить о том будет некому.

Фельдмаршал Василий Владимирович, зная настроение гвардейцев, настаивал на своем.

— Что вы, ребячье, врете. Как тому может сделаться? И как я полку объявлю? Услышав от меня об этом, не только будут меня бранить, но и убьют.

Участвовать в затее и ее обсуждении фельдмаршал не пожелал и вместе с братом Михаилом покинул фамильный совет.

Оставшиеся решили довести дело до конца. Василий Лукич взял лист бумаги, перо и чернильницу и стал сочинять духовную, но, не закончив ее, заявил:

— Моей руки письмо худо, кто бы получше написал?

За дело взялся князь Сергей Григорьевич и под диктовку Василия Лукича и Алексея Григорьевича написал два экземпляра духовной.

На заключительном этапе составления подложного завещания вступил Иван Алексеевич. Он вытащил из кармана лист бумаги и произнес:

— Вот смотрите письмо государевой и моей руки: письмо руки моей, слово в слово, как государево письмо; я умею под руку государеву подписывать; потому что я с государем в шутку писывал.

После этого он сначала написал на отдельной бумаге слова «Петр» и после того, как присутствующие убедились, что почерк Ивана схож с почерком царя, подписался под духовной.

В то время как в Головинском дворце изготавливалась подложная духовная, в Лефортовском дворце агонизировал царь. Последние слова, произнесенные им в бреду, оказались пророческими:

— Запрягайте сани, хочу ехать к сестре.

Сестра его Наталья Алексеевна, как известно, скончалась еще в 1728 году.

Петр умер во втором часу ночи с 18 на 19 января, то есть в тот самый день, когда должна была совершиться свадьба. Ему исполнилось всего 14 лет и три месяца.

Была ли причиной его смерти только болезнь? Или можно согласиться с мнением современников, обвинявших в случившемся Долгоруких? Представляется, что значительная доля вины за смерть царя действительно лежит на Иване Долгоруком и его отце Алексее Григорьевиче. У первого царь прошел школу разгула и разврата, второй поощрял неумную страсть к охоте, когда ребенок носился по полям в весеннее половодье, осеннюю слякоть и зимнюю стужу. Все это подорвало его здоровье.

Физические данные Петра II, отмеченные современниками, давали основание полагать, что император вырастет рослым мужчиной с крепким телосложением. Однако если такого «рослого не по своим летам» ребенка изнурять чрезмерным напряжением физических сил, если позволять ему предаваться разгулу в ночные часы, лишать нормального сна и отдыха, то силы неокрепшего организма подвергнутся слишком суровому испытанию и, в конце концов, ограничат сопротивляемость болезням.

На первые роли в Верховном тайном совете после смерти Петра II выдвинулся князь Дмитрий Михайлович Голицын, род которого традиционно соперничал с родом князей Долгоруких. Князь Дмитрий Михайлович настойчиво продвигал в наследницы курляндскую герцогиню Анну Иоанновну (овдовевшую дочь сводного брата Петра I Иоанна Алексеевича). Стремление же князя Алексея Григорьевича возвести на трон свою дочь Екатерину даже в роду Долгоруких не получило

всеобщей поддержки. В такой ситуации А. Г. Долгорукий не осмелился даже заикнуться о существовании «духовной» Петра II. От греха подальше князь Алексей ее сжег, так что содержание подложной духовной осталось неизвестным.

Как все знают, Анна Иоанновна получила корону ценой подписания «кондиций», ограничивавших ее власть в пользу Верховного тайного совета: она лишалась права объявлять войну и заключать мир, вводить новые налоги, лишать дворян имений, жаловать в чины выше полковника, командовать гвардейскими полками. Согласно «кондициям», в стране вместо абсолютной устанавливалась ограниченная монархия. Однако дворяне — не только проживающие в Москве, но и прибывшие из провинции на предстоящие свадебные торжества, — активно выступили против «затейки» «верховников» и ограничения самодержавия. Они считали «кондиции» попыткой установить в России режим, в котором вся полнота власти должна принадлежать двум аристократическим фамилиям — Долгоруким и Голицыным.

Анна Иоанновна подписала «кондиции» в столице Курляндии Митаве 28 января 1730 года. 15 февраля состоялся ее торжественный въезд в Москву, а десять дней спустя, опираясь на поддержку широких кругов дворянства и пользуясь тайными советами Остермана, она разорвала подписанные ею «кондиции» и объявила себя самодержавной императрицей. Решающая роль в этой акции принадлежала гвардейцам. Офицеры, находившиеся в зале дворца, кричали:

— Не хотим, чтобы государыне предписывались законы, она должна быть такой же самодержицей, как были ее предки!

Гвардейские офицеры не ограничились выражением своего желания. В ответ на просьбу «верховников» утихомириться они заявили императрице о своей готовности приступить к расправе с противниками самодержавия.

— Государыня, мы верные подданные вашего величества: мы верно служили прежним великим государям и сложим свои головы на службе вашего величества; но мы не можем терпеть, чтоб вас притесняли. Прикажите, государыня, и мы сложим к вашим ногам головы ваших злодеев.

В итоге Анна Иоанновна, женщина жестокая, мстительная, мало образованная, совершенно не подготовленная к управлению огромной империей, стала самодержицей. Неограниченную власть она использовала для личных утех и расправы с теми, кто вручил ей корону. Страной фактически правили три немца: Остерман, Бирон и Миних. В руках первого находилась внутренняя и внешняя политика, второй являлся фаворитом императрицы, безропотно выполнявшей любую его прихоть и позволявшей ему бесконтрольно грабить казну; третьему была отдана на откуп армия, которой он бездарно командовал в двух войнах. За царствованием Анны Иоанновны в исторической литературе прочно закрепилось название бироновщины; впрочем, с еще большим основанием оно могло бы называться остермановщиной.²³

В манифесте, обнародованном 14 апреля 1730 года, были предъявлены обвинения трем представителям Долгоруких: Алексею Григорьевичу, его сыну Ивану и Василию Лукичу, сопровождавшему Анну Иоанновну во время ее переезда из Митавы в Москву.

Ни отца, ни сына не обвиняли ни в попытке объявить наследницей престола невесту покойного императора, ни в причастности к «затейке» «верховников». Речь шла о их роли в событиях предыдущего царствования. Манифест ставил в вину отцу и сыну то, что они, пользуясь фавором покойного императора, стали «всеми образы тщится и не допускать, чтоб в Москве его величество жил, где б завсегда

²³ Павленко Н. И. Анна Иоанновна. М., 2002.

правительству государственному присматривано». Вместо этого Долгорукие под предлогом забав и увеселений отъезжали от Москвы «в дальные и разные места, отлучали его величество от доброго и честного обхождения и уподобились Меншикову, на дочери своей в супружество готовили». Другая вина отца и сына состояла в разжигании у отрока страсти к охоте, чем его «здравию вред учинили». Наконец, манифест обвинил обоих Долгоруких в казнокрадстве — они из казны взяли «многий наш скарб, состоящий в драгих вещах»; впоследствии этот скарб был у них изъят. Вина же Василия Лукича состояла в том, что он по поручению Верховного тайного совета вручил Анне Иоанновне «кондиции» и во время путешествия из Митава в Москву, а также во Всесвятском и столице лишил ее общения с подданными и всячески притеснял.

Наказание обвиняемым не отличалось суровостью: князь Алексей вместе с супругой, сыновьями и дочерьми и братом Сергеем с семьей должны были жить в дальних деревнях с запрещением выезда из них. Ссылке в дальние деревни подлежал и «безбожно нас обманывавший» князь Василий Лукич. К остальным Долгоруким манифест проявил еще большую снисходительность: братьев Алексея Григорьевича Ивана и Александра он определил воеводами в дальние города, предварительно лишив их орденов. Опала не распространялась на фельдмаршала В. В. Долгорукого — за ним осталась должность президента Военной коллегии.

Дальнейшая участь князя Алексея и его семьи действительно напоминает судьбу Меншикова и дает основание считать, что в том и другом случае автором сценария выступал один и тот же человек — А. И. Остерман. Как только А. Г. Долгорукий отправился из Москвы, вдогонку за кортежем ссыльных был отправлен курьер с указом, существенно ужесточившим меру наказания — семья отправлялась в ссылку в Березов — тот самый город, в котором провел свои последние дни А. Д. Меншиков. Предлогом для этого стало обвинение в медленном продвижении к месту ссылки — семья князя Алексея делала продолжительные остановки в находившихся по пути имениях, развлекаясь охотой.

В отличие от Меншикова, смиренно покорившегося судьбе и терпеливо переносившего невзгоды ссыльного, Долгорукие жили в Березове в постоянных ссорах и взаимных обвинениях. Зачинщиком ссор был князь Алексей, а после его смерти в 1734 году — младший сын Николай и нареченная невеста царя — Екатерина. Сибирский губернатор доносил Кабинету министров о том, что Иван и Николай Долгорукие «живут не смиренно и между собой чинят драки, також и живущих при них слугителей бьют жесточайшим боем».

Остерман получил донесение 2 октября 1735 года и отреагировал на него мгновенно, отправил в тот же день указ с повелением жить ссыльным «кротко» и угрозой «развесть в разные места и содержать под крепким караулом».

Виновником окончательной гибели Долгоруких стал бесшабашный фаворит Петра II слабовольный и опустившийся князь Иван. В ссылку он отправился вместе с супругой Натальей, питавшей к нему самую нежную любовь до конца дней своих (накануне ссылки Иван Долгорукий женился на красавице Наталье Борисовне Шереметьевой, дочери знаменитого фельдмаршала Бориса Петровича Шереметьева). В ссылке Иван Алексеевич бражничал, а напившись, непристойными словами отзывался об Анне Иоанновне, виновнице всех их бед. Об этом стало известно императрице, началось следствие. Под пыткой князь Иван рассказал о совете в Головинском дворце и составлении подложного завещания. Впрочем, особой новостью для императрицы рассказанное им не стало: о событиях, произошедших в Головинском дворце в ночь с 29 на 30 января, Анне Иоанновне стало известно еще в 1730 году от князя Василия Лукича Долгорукого.

Тогда ни императрица, ни Остерман, ни Бирон еще не чувствовали себя достаточно прочно, а потому не осмелились учинить жестокую расправу над

потомками Рюриковичей и Гедиминовичей. К середине же 30-х годов опасность относительно судьбы трона давно исчезла, и императрица вместе с немецким окружением решилась на расправу с теми, кто никакой угрозы для ее режима уже не представлял и кому она была обязана короной. Сначала, в 1737 году, был пожизненно заточен в Шлиссельбургскую крепость немощный старик князь Дмитрий Голицын, а в 1739 году в Новгороде подверглись жестокой казни Долгорукие: Иван Алексеевич был колесован, после чего ему отсекли голову, князьям Василию Лукичу, Сергею и Ивану Григорьевичам отсекли головы. Князей Василия Владимировича и Михаила Владимировича велено было отправить в ссылку в разные места и держать их до смерти «под крепким караулом неисходно».

Эта расправа являлась не чем иным, как мезтью. Мезтью императрицы за попытку ограничить ее власть, Бирона — за попытку Верховного тайного совета отказать ему в праве приезда в Россию, Остермана — за пренебрежительное отношение к себе спесивых аристократов. Так Анна Иоанновна «отблагодарила» своих благодетелей, вручивших ей корону.